

Среди книг и журналов.

СБОРНИКИ «ОКНО»

(Трехмѣсячник литературы, изд. М. и М. Цетлин. Париж 1923).

Сборники и альманахи почти всегда представляли у нас известное литературное направление, школу, традицию. Имена некоторых из них вызывают в памяти цѣлые этапы нашего художественного развитія— и «Сѣверные цвѣты» неразрывно связаны с русским символизмом или сборники «Знаніе» с Горьким и молодым реализмом девяностых годов.

Иную картину являют сборники, до сих пор за-границей: «Грани», «Веретено» — теперь «Окно». Нельзя говорить о них, как о литературном явленіи, как о знаменательном цѣлом. Это болѣе или менѣе удачное соединеніе разнородных элементов — и ничего больше.

«Окно» — удачнѣе соединеніе — ибо собраны в нем произведенія, интересные каждая в отдѣльности — и лучших писателей, находящихся за-границей. Здѣсь Бунин и Куприн, Зайцев и Муратов, Ремизов и Шмелев, Мережковский и Гиппиус, Цвѣтаева и Бальмонт.

В первом томѣ «Окна», в прекрасном рассказѣ **И. Бунина** изображен обезумѣвшій художник, тщетно борющійся с дьявольскими наводченіями жизни. Он хочет нарисовать

картину рожденія новаго человѣка: небеса исполненныя вѣчнаго свѣта, ликованіе ангелов. Дѣву неизрѣченной прелести, божественнаго младенца, мір, залитый солнцем и радостью.

Но на картонѣ получился не рай, а ад-небеса, пылающіе пожаром, разрушенные дворцы, эшафоты — и чудовищное Распятіе над грудой мертвецов с лицами скотов, звѣрей, дьяволов.

Это навожденіе грубой, кошмарной жизни отражено и в очерках **Ив. Шмелева** — «Солнце мертвых».

Голодный опустошенный Крым. Истомившіеся полуобезумѣвшіе люди. Разстрѣлы, надругательство, разрушеніе, год 1920 — большевистскій разгул. И эту картину умирающаго, отчаянія и ужаса ровным металлическим солнцем освѣщает солнце мертвых.

Некоторые страницы у Шмелева — потрясающія. От них вѣет смертельной безысходностью, жутью, кошмаром. Напримѣр — описаніе умирающих коней:

«Умирающіе кони... Я хорошо их помню.

Осенью много их было, брошенных ушедшей за море арміей добровольцев. Они бродили. Сѣрые, воронные, гнѣдые, пѣгіе... Ломовые и

выѣздные. Верховые и под запряжку. Молодые и старые. Рослые и «собачки». Лиши дожди. А кони бродили по виноградникам и балкам, по пустырям и дорогам, ломались в сады, за колючую проволоку, рѣзали себѣ брюхо. По холмам стояли — ожидали — не возьмут ли. Никто их не брал: боялись. Да и кому на зиму нужна лошадь, когда нѣтъ корму? Они подходили к разбитым виллам, протягивали головы поверх заборов: эй, возьмите. Под ногами — холодный камень да колючки. Над головой — дождь и тучи. Зима вступает. Вот-вот снѣгом с Чатырдага кинет: эй, возьмите...

Я каждый день видѣл их на холмах — там и там. Они стояли неподвижно, мертвые и — живые. Вѣтер трепал им хвосты и гривы. Как конскія статуи, на рыжих горах, на черной синевѣ моря, — из камня, из чугуна, из мѣди. Потом они стали падать. Миръ видно было с горы, как они падали. Каждое утро я замѣчал, как их становилось меньше. Чаще кружились стервятники и орлы над ними, рвали живьем собаки. Дольше всѣх держался вороной конь, огромный, — должно быть, артиллерійскій. Он зашел на гладкій бугор, поднявшійся из глубоких балок, взошел по узкому перешейку и — заблудился. Стоял у края. Дни и ночи стоял, лечь боялся. Крѣпился, разставив ноги. В тот день дул крѣпкій норд-ост. Конь не мог повернуться задом, встрѣчал головой норд-ост. И на моих глазах рухнул на всѣ четыре ноги, — сломался. Повел ногами и потянулся...»

Но не все одинаково удачно в «Солнце мертвых». Иныя страницы не свободны от той публицистической тенденціозности, которая ли-

шает их художественной убедительности.

Особенно неудачна глава «Миндальные сады», в которой старый доктор длинно рассуждает о «большевистских пытах», о Ллойд Джорджѣ и социализмѣ. Здѣсь навожде- ние жизни оказалось сильнѣе искусства.

В «Солнцѣ мертвых» стихія злобы, разрушенія, попиранія духа. А в рассказѣ Б. Зайцева, прекрасном по своей завершенности и вдумчивости, стихія мудрости, борьба за освобожденіе души от «тенет дьявольских». Император Карл V, на старости лѣтъ, удаляется от міра в монастырь св. Юста. Прошла бурная жизнь, побѣды, любовь, власть над міром, народы, страны, государства, сраженія и интриги — и стала тяжела корона.

«Гдѣ ты, мирный мір? Покой и тишина, Господь и небо, тихій свѣтъ, Святое католичество».

Еще сильна грѣшная плоть, еще слышны зовы грѣха, суеты, злости. Но тянет вдаль, к свѣту, покою, миру. И Карл V хочет уйти совсѣм — даже из монастыря, прочь от людей, от дѣл. На миг онцущает радость, сидя в пустынной долинкѣ. Но приближенные нагоняют. Он возвращается. И опять — лавина дней, ненужность, тоска, грѣх и грусть.

Другія произведенія сборника менѣе интересны. Слѣдует только отмѣтить воспоминанія З. Гипіус о Блокѣ и Брюсовѣ. Они написаны в обычной манерѣ «Антоня Крайняго» — рѣзко субъективныя, подчас несправедливыя, тонкія — и интересныя.

Есть в сборникѣ любопытныя Ремизовскія воспоминанія о Розановѣ: мало о Розановѣ и много о Ремизовѣ

— как всегда со словесной игрой, прибаутками, анекдотами и язвительностью.

В каждом томѣ «Окна» до десятка рассказов, стихотвореній и статей — и в краткой замѣткѣ невозможно остановиться на каждой в отдѣльности. Но общій облик трехмѣсячников вполне литературный, и их, пожалуй, слѣдует признать наиболѣе содержательными из всѣх заграничных альманахов.

М. С.

Роман И. Эренбурга.

(Илья Эренбург. Жизнь и гибель Николая Курбова. Изд. «Геликон», Берлин 1923 г. стр. 260).

Нѣтъ на свѣтѣ ни добра, ни радости, ни чистоты, ни свѣжаго воздуха. Все отмѣнено Ильей Эренбургом. Жизнь, это что то вродѣ перибранной мятой постели, на которой год не мѣнялось бѣлье; кругом окурки, остатки дрянного ужина, пахнет селедкой и козлом.

Эренбургу скучно, и хочется создать хоть один «положительный тип» человѣка чистых убѣждений и твердой воли. Он берет проститутку, рождает от нея сына, помѣщает его за тонкой стѣнкой, чтобы он, подрастающій, мог видѣть в щелочку, чѣм занимается его мамаша. Затѣм отдает его в гимназію за счет благодѣтеля, который его порет. Позже стал Николай Курбов репетитором, но его выгнали, заподозрив несправедливо в воровствѣ. Тогда Курбов стал марксистом и пронагандистом, а пріятель-провокактор его выдал, и он попал на каторгу, откуда бѣжал; товарища-провокактора он встрѣтил и утопил в Днѣпрѣ.

Дальше — фронт, отравленіе газа-

ми, наконец, революція, февраль, октябрь. Курбов — комиссар. Курбов — разстрѣливает. Курбов — коммунист. Курбов — большая шишка. Курбов — чекист.

Контр-революціонеры, сплошь мерзавцы, на французскія деньги устраивают заговор против Курбова и втягивают в этот заговор на роль исполнительницы Катю — дѣвушку голубиной чистоты и беспросвѣтной глушости, которая в грязном притонѣ пьет с ними самогон и там же знакомится с Курбовым. Страстная любовь с обѣих сторон. Я забыл сказать, что и Курбов, как тип положительный (и очень занятой) сохранил не только душевную чистоту, но и тѣлесную невинность до солиднаго возраста. Все таки Катя хочет его убить. Они встрѣчаются в том же притонѣ, но... в отдѣльной комнатѣ познают любовь, Катя отдает ему револьвер, Курбов же ничего не понимает дальше. Ясно — он уже не может быть цѣльным и прямолинейным человѣком. Поэтому он идет в Кремль, пожимает руки товарищам, сплошь превосходнымъ людям, и в послѣдней строкѣ романа — стрѣляется.

Таков остов романа. Детали же — обстановка чека, гдѣ один слѣдователь оказался все же мерзавцем и скверно поступил с беременной женщиной; правда, другой, нѣжгивѣйшей души человѣкъ, подписавшій тысячу смертных приговоров, тут же его застрѣлил. Миръ убійц, палачей, шпионов, разврата, но взятый не нарочито, как таковой, а в качествѣ «россійской дѣйствительности». И не будь свѣтлаго явленія Николая Курбова, — пришлось бы извѣриться в людях окончательно.